

общественно-политических функций и привилегий от одной социальной группы к другой. Так, отроки кн. Владимира Мстиславича могли стать боярами⁵⁸. В то же время анализ материалов археологических раскопок в настоящее время не позволяет выработать надежные критерии для выявления в городской среде знати и купцов как самостоятельных социальных категорий. Точно так же находки оружия оказываются характерны для многих археологически известных дворов и усадеб вне зависимости от возможного социального статуса проживавших здесь лиц. Причастность к военному делу не была отличительной чертой средневековой гридьбы.

Вообще же выбранной автором теме тесно в назначенных для неё хронологических рамках, требуется использование в исследовании сведений о событиях и процессах XII–XIV вв. Однако ценность книги как раз и состоит в возможности приложения её выводов к конкретным исследовательским задачам древнерусской истории как ранних, так и более поздних периодов. Эта книга – большой справочник, методический ключ, набор *exemplae* с толкованиями. Её будущая судьба зависит от рецепции основной гипотезы молодым поколением историков, а это, в свою очередь, – от способности автора убедить своих единомышленников применить полученные им выводы «макроисторического» характера к «микрорегиональным» исследованиям, связанным с судьбой личности⁵⁹, рода, города или целой земли. Немаловажная роль принадлежит здесь вовлечению в исследование археологических источников. Однако для этого историку необходимо расширить круг чтения и изменить его методику. Непосредственная рецепция выводов археологической науки в исторических сочинениях оказывается наиболее продуктивной лишь в тех случаях, когда эти положения прошли апробацию в рамках интенсивной дискуссии, что позволило бы осознанно предпочесть ту или иную аргументированную интерпретацию памятников материальной культуры. Не исключено, впрочем, что археологи сами могут проявить интерес к конкретно-историческим исследованиям, преодолев синдром парадно-глянцевого издания к юбилею очередной летописной даты.

Антон Горский: О составе древнерусской дружины

Тема древнерусской элиты довольно редко становилась предметом специального исследования: как правило, её рассматривали в рамках работ по общественному строю в целом. При этом до сих пор никто из историков не ограничивал исследование, подобно П.С. Стефановичу, X–XI вв., в первую очередь потому, что по этому периоду сохранилось относительно мало сведений. В историографии советской эпохи утвердилось представление о древнерусской знати как крупных землевладельцах⁶⁰. Между тем ещё в начале XX в.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 536.

⁵⁹ Сам автор уже уделит внимание боярским карьерам и генеалогиям: *Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269; *Стефанович П.С.* Знать и военные слуги в социально-политической структуре древнерусского государства в X – первой трети XII в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 38–40.

⁶⁰ См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953; *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. Вразрез с этим представлением И.Я. Фроянов пришёл к выводу о древнерусской знати – боярстве – как «общинных лидерах» (См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988).

А.Е. Пресняков обосновал иной подход к изучению элитного слоя – с акцентом на его военно-служилый характер⁶¹. В науке последующих десятилетий подобные идеи не получили развития: военно-политические функции знати воспринимались как вторичные в сравнении с главной её ипостасью – землевладельческой. В 1980-х гг. была вновь сформулирована концепция, исходящая из того, что именно военно-служилый характер древнерусской элиты определял её социальный облик⁶². На сей раз такой подход встретил значительную поддержку⁶³.

П.С. Стефанович ведёт исследование именно в «военно-служилой» парадигме (хотя автор склонен больше подчёркивать своё размежевание со всеми предшественниками, чем преемственность), о чём говорит в том числе и подзаголовок книги – «Военно-политическая элита Руси X–XI вв.» (он был бы невозможен в эпоху признания древнерусской знати землевладельческой по преимуществу). И на этом пути ему удалось сделать ряд важных наблюдений. Так, тщательно проследив применение термина «болярин/боярин» в старославянских и древнерусских переводных памятниках, автор пришёл к обоснованным заключениям, что данное слово уже в X–XI вв. обозначало реальный общественный слой и при этом не просто знать, а знатных людей, связанных с правителем, с политической властью (гл. 4, особенно с. 363–377, 441–448). Тем самым ещё раз была подтверждена ошибочность тезиса о распространении термина «боярин» на некую неслужилую «земскую» знать, а также гипотезы, что до XII в. этот термин был книжным, не указывавшим на конкретную социальную группу.

Вместе с тем в книге присутствует ряд спорных и недостаточно обоснованных положений. Автор прилагает к древнерусским реалиям термин «большая дружина», заимствованный из западнославянской (чешской и польской) историографии (гл. 3). Собственно, «большая дружина» – это перевод на современный русский язык чешского слова «*velkodružina*». Сам же этот термин образован присоединением к слову «дружина», взятому из древнерусских источников, прилагательного со значением «крупный, значительный по размерам». В чешской и польской историографии это понятие утвердилось с 1960-х гг. по отношению к организации, связанной с правителем элиты в Чехии и Польше X–XI вв. Искусственный термин был введён вынужденно: источники по раннесредневековой истории этих стран написаны почти исключительно на латыни, и какими словами обозначались в реальной жизни те или иные категории населения, выявить сложно. Но на Руси ситуация иная: в аутентичных славяноязычных лексемах недостатка, к счастью, нет. Так какой же смысл

⁶¹ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909.

⁶² См.: Горский А.А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1982. № 4; он же. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. 1986. № 8; он же. Древнерусская дружина. М., 1989.

⁶³ См.: Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995; Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // Там же; Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Изд. 2. М., 2009; Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004; Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. СПб., 2006; Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 2009; Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012.

пользоваться искусственным названием? Тем более что общественный слой, соответствующий тому, который в западнославянской историографии обозначается как «*velkodružina*», в древнерусских источниках имеет своё определение. Он называется в них просто «дружина».

Стефанович скептически относится к этому понятию. Он полагает, что это не термин в строгом смысле; что за словом «дружина» нет оснований видеть (как принято в историографии) *организацию* лиц, находящихся на княжеской службе. Аргументом в пользу такого тезиса служит то, что само это слово могло употребляться в расширительном значении – «спутники», «товарищи», т.е. прилагаться к достаточно неопределённому кругу лиц (гл. 2). Надо сказать, что этот факт никогда и не подвергался сомнению. Например, в первом же абзаце книги автора этих строк четвертьвековой давности об институте дружины говорится: «Термин “дружина” в древнерусском языке применялся для обозначения различных групп людей, но чаще всего дружиной именовалась социальная группа, близкая к князю и служившая опорой княжеской власти» (и далее в сноске приводятся другие значения – «товарищи, спутники» и «войско вообще», а также ссылки на литературу)⁶⁴. Но в любом языке есть слова с общим неопределённым значением, которые в то же время могут обозначать и «конституированные» группы людей, организации⁶⁵. И тот факт, что слово «дружина» могло выступать в значении «товарищи», «спутники» или «войско», не значит, что когда речь идёт о дружине конкретного князя, имеется в виду тоже не конституированная масса людей. Такое допущение надо обосновывать.

Ряд наблюдений, в том числе сделанных самим Стефановичем, говорят против его тезиса. Суммируя упоминания слова «дружина» в повествовании Начального летописания о событиях раннего периода русской истории (IX–X вв.), автор указывает, что в восьми случаях из 34 оно имеет значение «товарищи, спутники» или «войско», а в остальных – «окружение князя, доверенных лиц князя или людей на службе князя» (с. 226–227). Нетрудно подсчитать, что остальные случаи составляют около 80% от общего количества. Между тем в своё время автор этих строк суммировал упоминания «дружины» в известиях источников о событиях XII в. Значение «совокупность людей, близких к князю» и здесь встретилось примерно в 80% случаев⁶⁶. Такое совпадение вряд ли случайно: скорее всего, оно свидетельствует об устойчивом преобладании в сознании современников отнюдь не расплывчатого, а вполне конкретного значения слова «дружина» как термина, объединяющего людей, служащих князю.

В пользу того, что под княжеской дружиной имелся в виду вполне определённый круг людей, говорят и известия, в которых раскрывается, кого именно подразумевали современники, употребляя это понятие. Стефанович анализирует только одно из них – рассказ Начального летописания под 996 г. о пирах Владимира. Указав, что среди пирующих названы бояре, гриди, сотские, десятские и нарочитые мужи, а все пирующие определяются как «дружина» Владимира, он сделал вывод, что под «дружиной» подразумевались не только

⁶⁴ Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 3, 89, примеч. 2. Фактически Стефанович на большем материале подтвердил приведённое суждение, что, разумеется, ценно и само по себе.

⁶⁵ К примеру, в современном русском языке слово «партия» может обозначать неконституированную массу людей («партия сторонников чего-либо или кого-либо») и одновременно конкретные политические организации.

⁶⁶ Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 80, 111, примеч. 36–39.

бояре и гриди, но и управляющие «администрацией и хозяйством» (сотские и десятские), а также «вообще люди, выделяющиеся материальным достатком или общественным авторитетом среди остальных жителей» («нарочитые мужи») (с. 221–223). Однако данный фрагмент не совсем подходит для суждений о составе дружины. Прочитую его: «И се же паки творяше людемъ своимъ: по вся недѣлѣ устави пирь творити на дворѣ въ гридниѣ, и приходити бояромъ, и гридемъ, и сочкымъ, и десячьскимъ, и нарочитыя мужа, при князи же и безъ князя; бывающее на обѣдѣ том множество от скота мясь и от звѣрины, и бяше изобило всего. Егда же подпивахуся, начаша роптати на князя, глаголюще: “Зло есть, даваше бо намъ ясти деревянными лжицами, а не сребреными”. Се слышавъ, Володимеръ повелѣ иськовати лжици сребрены ясти дружинѣ, рекъ сицѣ, яко: “Сребромъ и златомъ налѣсти не имамъ дружинѣ, а дружиною налѣзу злато и сребро, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискашеся злата и сребра дружиною”. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строении земьскомъ и о ратехъ, и уставѣ земномъ»⁶⁷.

Здесь присутствуют три микросюжета: 1) описание пиров в гриднице и перечень пирующих в ней; 2) ропот по поводу ложек и реакция Владимира; 3) отношение Владимира к дружине как к советникам. В качестве «дружины» определяются участники второго и третьего эпизодов, но не первого. Если полагать, что речь идёт о строго совпадающих группах людей, то надо считать, что не только все перечисленные в начале пять категорий тождественны предъявившим Владимиру претензии, но и что те, с кем князь «думал», тождественны роптавшим по поводу ложек (тем более что советники также названы «дружиной», как и роптавшие) и, соответственно, всем, кто назван в первом эпизоде. Однако известий о совете при князе на Руси X–XII вв. относительно много, и из них ясно, что «думал» князь только с боярами, и то не со всеми, а с относительно узким кругом наиболее доверенных лиц⁶⁸. Таким образом, в «дружину», с которой Владимир «думал», не могли входить ни нарочитые мужи, ни сотские, ни десятские, ни даже гриди. Соответственно, нет оснований думать, что люди, предъявившие претензии по поводу ложек и названные «дружиной», – это все пять категорий лиц, имеющих право пировать в гриднице. В тексте говорится о трёх группах людей, пересекающихся лишь частично. Вначале упоминаются те, кто имел право пировать в княжеской гриднице; затем некая часть этих пирующих, которые смогли предъявить претензии князю, – они определяются как «дружина»; наконец, часть этих последних упоминается как княжеские советники – они тоже названы «дружиной» (в том смысле, что они относятся к дружине, а не в том, что представляют собой *всю* дружину). Если в первом эпизоде перечислены пять категорий, а в последнем, исходя из других известий о совете, надо видеть ближайших к Владимиру бояр, то кто имеется в виду во втором случае? Это должны быть люди, занимавшие достаточно высокое положение, чтобы считать себя вправе предъявить претензии князю, и участвовавшие в приобретении для него богатств – т.е., очевидно, те, кто окружал Владимира в военных походах. Таким образом, речь может идти о боярах и, вероятно, также о гридях. Чтобы среди роптавших подразумевались сотские, десятские и горожане, не входившие в окружение князя («нарочитые мужи»),

⁶⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 167; ср.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (Лаврентьевская летопись). Стб. 126; Т. 2. М., 2001 (Ипатьевская летопись). Стб. 110–111.

⁶⁸ Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 61–64.

представляется маловероятным, следовательно, нет оснований полагать, что эти категории причислены летописцем к «дружине».

Итак, статья 996 г. не может служить аргументом, что дружина князя – это неопределённый круг лиц: как «дружина» в ней обозначаются только люди, находящиеся на княжеской службе. Между тем есть известия, в которых действительно раскрывается состав дружины. В летописном рассказе о так называемой третьей мести кн. Ольги древлянам (избиении древлян во время поминального пира по кн. Игорю) упоминается «дружина» княгини, с которой она отправилась в Древлянскую землю. По ходу повествования люди Ольги называются также «отроками»⁶⁹. Таким образом, дружина княгини, в представлении позднейших летописцев, состояла из отроков.

В ст. 53 Русской Правды Пространной редакции говорится о совещании Владимира Мономаха со «своей дружиной», созванном после его вокняжения в Киеве по смерти Святополка Изяславича (1113 г.): «Володимѣрь Всеволодичъ по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора Киевського тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа»⁷⁰. Ратибор был ближайшим к Мономаху боярином, служившим ещё его отцу⁷¹. Станислав, возможно, тождествен Станиславу Тудковичу, в 1135 г. выступавшему в качестве боярина сына Мономаха – киевского князя Ярополка⁷². Участниками совета был, таким образом, узкий круг представителей высшей знати, бояр, и они определены как «дружина».

В летописании XII в. встречается ряд известий, где упоминаются «бояре и дружина его (князя) вся»: «И плакашеса по немь (умершем Святополке Изяславиче. – А.Г.) бояре и дружина его вся» (1113 г.)⁷³; «Изяслав же [съзва] бояры своя и всю дружину свою» (1147 г.)⁷⁴; «Изяславъ же с братомъ своимъ Ростиславом и съ Ярополкомъ и съзваша бояры свое и всю дружину свою и нача думати с ними» (1149 г.)⁷⁵. Стефанович расценивает эти случаи как примеры отличия бояр от дружины (с. 230–232)⁷⁶. Но смысл встречающегося в них выражения в другом: подчеркнуть, что участниками совета или лицами, оплакивавшими умершего князя, были *не только* бояре, но и *остальная* его дружина, т.е. бояре расцениваются как главная часть дружины, помимо которой существуют и другие лица, относимые к ней⁷⁷. Таким образом, данные

⁶⁹ Новгородская первая летопись... С. 112–113; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 59; Т. 2. Стб. 46. Стефанович справедливо пишет о тождестве «дружины» Ольги и её «отроков» (с. 204–207).

⁷⁰ Правда Русская. Т. 1. Тексты. М.; Л., 1940. С. 110.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204, 227–228, 274.

⁷² См.: Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Указ. соч. С. 238–240.

⁷³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

⁷⁴ Там же. Стб. 343–344.

⁷⁵ Там же. Стб. 380.

⁷⁶ Надо признать, что такая трактовка спровоцирована автором этих строк, отнёсшим в своей книге 1989 г. данные известия по формальному признаку к случаям, когда под дружиной имеются в виду служилые люди князя, исключая бояр (Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 80, 111, примеч. 37).

⁷⁷ Примечательно, что Стефанович дважды, вопреки своему выводу об отграничении бояр от дружины, пишет, что в данных известиях «бояре... противопоставляются всей *остальной* “дружине”», «бояре... перечисляются как будто отдельно от *остальной* дружины» (с. 230–231; выделено мной. – А.Г.), т.е., идя за источником, фактически признаёт, что бояре выступают как основная часть дружины.

известия свидетельствуют, что дружина состоит из минимум двух частей, одна из которых – бояре.

В 1167 г. князь Владимир Мстиславич задумал вступить в борьбу за киевский стол и «посла к Рагуилови Добрынину, и къ Михалеви, и къ Завидови, являя имъ думу свою. И рекоша ему дружина его: “А собѣ еси, княже, замыслиль, а не ѣдем по тобѣ. Мы того не вѣдали”. Володимиръ же рече, възревъ на дѣцкыя: “А се будутъ мои бояре!»⁷⁸. Названные поименно лица определены как «дружина»; далее выясняется, что на совещании присутствовали «детские»⁷⁹: князь выражает намерение сделать их боярами вместо тех, кто отказал ему в поддержке. Рагуил, Михаль и Завид были, следовательно, боярами, и они названы «дружиной». В то же время, поскольку детских князь намеревался объявить не «дружиной», а именно «боярами», очевидно, подразумевается, что детские тоже входят в дружину. Следовательно, последняя состоит как минимум из двух частей, при этом главной её составляющей мыслятся опять-таки бояре.

Наконец, имеется известие летописания Северо-Восточной Руси о сборе кн. Мстиславом Ростиславичем войска для похода на Всеволода Юрьевича во время междоусобной войны в Суздальской земле в 1177 г.; «Он же приѣхъ Ростову, совкупивъ ростовци: и бояре, [и] гридьбу, и пасынки, и всю дружину, поѣхъ к Володимерю»⁸⁰. Здесь упоминаются три категории лиц – бояре, гридьба и пасынки, определяемые как «вся дружина»⁸¹. Слово «пасынки» в значении социальной категории более нигде не встречается. Поскольку гриди – категория, тождественная отрокам (см. об этом в гл. 3 книги Стефановича), пасынки в данном известии, скорее всего, соответствуют «детским»⁸². Таким образом, дружина включает в себя, согласно известию 1177 г., не две, а три составные части. Это свидетельствует об усилении дифференциации внутри нее, но тем не менее и в 1170-х гг. совокупность служилых людей князя (и только она) определяется как «дружина», т.е. воспринимается как некое целое.

Итак, когда в источниках раскрывается состав дружины того или иного князя, она представляет собой вполне определённый круг лиц. В дружину входят бояре и отроки (гриди), а в XII в. в ней выделяется ещё и категория «детских» (пасынков)⁸³. Поэтому, несмотря на большое внимание, которое Стефанович уделяет обоснованию тезиса о «неопределённости» понятия «дружина», этот его вывод не выглядит убедительным. Торопиться отказываться от представления о дружине как организации древнерусской элиты не стоит.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 536.

⁷⁹ Категория «детских» фиксируется с XII в.; они занимали более высокое положение, чем отроки (см.: Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 51–55).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 380.

⁸¹ Союз *и* перед словами «всю дружину» не означает, что дружина – это нечто помимо трёх названных категорий. В данном случае это союз не соединительный, а уточняющий, и смысл фразы – «собрал ростовцев: и бояр, и гридьбу, и пасынков – т.е. всю дружину» (об *и* в уточняющем значении см.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 30; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 166, примеч. 78).

⁸² Они упомянуты после гридей, возможно, не потому, что занимали более низкое положение, а в силу своей малочисленности относительно последних.

⁸³ Бояре при этом явно выступают как главная, конституирующая часть дружины.